

Жанровые особенности сказки А. Н. Толстого «Проклятая десятина»

Сказка «Проклятая десятина» входит в цикл А. Н. Толстого «Русалочьи сказки», тесно связанный со славянской мифологией и фольклором. Цель работы – рассмотреть жанровые особенности данного произведения. Сказка, с одной стороны, отличается от остальных, поскольку в ней единственной отсутствуют представители народной демонологии. С другой стороны, сюжетом становится переход человека в заложного (нечистого) мертвеца как наказание главного героя за страшный грех: оскорбление родной земли. В сказке отсутствует прямое назидание или толкование смысла, сам сюжет является поучительным примером и подчинен дидактической цели. Смысл сказки прозрачен и конкретен, это призыв уважать, любить и ценить родную землю, но притчевый характер выводит на более широкие обобщения. Перед нами сказка-притча, итоговый смысл которой подталкивает читателя к размышлениям о собственной жизни, заставляет осознать свои жизненные ценности.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, жанр, сказка, бывальщина, притча, народная демонология, сюжет.

Marina Zhirkova

Genre Features of A. N. Tolstoy's Fairy Tale «The Cursed Tithe»

A. N. Tolstoy's fairy tale «The Cursed Tithe» is part of the cycle «Mermaid Tales», which is closely related to Slavic mythology and folklore. The purpose of the work is to consider the genre features of this work. The fairy tale, on one hand, differs from the others since it is the only one that lacks representatives of folk demonology. On the other hand, the plot is the transition of a person into a hostage (unclean) dead man as a punishment for the main character's terrible sin: insulting his native land. In the fairy tale there is no direct edification or interpretation of the meaning, the plot itself is an instructive example and is subordinated to the didactic purpose. The meaning of the fairy tale is transparent and concrete, it is a call to respect, love and appreciate the native land, but the parable character leads to broader generalizations. We see a fairy tale – a parable, the final meaning of which pushes a reader to reflect on his own life, makes him grasp his life values.

Key words: A. N. Tolstoy, genre, tale, byvalina, parable, folk demonology, the plot.

Сказка «Проклятая десятина» входит в цикл «Русалочки сказки» А. Н. Толстого (1910). Исследователи указывают на их близость к быличкам или бывальщинам [6, с. 24]. Но выбранный для анализа текст носит притчевый характер. Сказка отличается от остальных: в ней единственной отсутствуют представители народной демонологии. Зато здесь представлен социальный срез всего общества от простого крестьянина до короля. Главные герои – бобыль, его шабер (сосед), пекарь и его жена, а далее по восходящей социальной лестнице дворянин и его дети, король. «Русалочки сказки» Толстого тесно связаны со славянской мифологией и фольклором, они раскрывают давно ушедший мир древних народных верований в различные сверхъестественные существа: нечистую силу, демонов, духов низшей народной демонологии, которые могут быть как враждебны человеку (например, русалка, кикимора, водяной, ведьмак и т.д.), так и покровительствовать или помогать ему (например, домовой, полевик). В цикле они представлены в разном соотношении: или только упоминаются, или являются второстепенными персонажами, или главными героями.

«Проклятая десятина» в данном случае тоже не является исключением.

Сюжетом сказки становится переход человека в заложного мертвеца, возможно, превращение человека в представителя низшей народной демонологии. Только сама трансформация остается за рамками текста, кем – просто заложным покойником или каким-то демоническим существом – станет бобыль, можно только предполагать. История главного героя заканчивается его гибелью, проращением человека в землю в качестве наказания за ее проклятие. В сказке совершается страшный грех: оскорбление родной земли. Наравне с людьми земля также является главной героиней сказки.

Формула «мать-сыра земля» или «матушка-сыра земля» является устойчивой в фольклоре. Земля понимается как традиционно женское начало. Ее называли «великой производительницей», праматерью всего живого [4, с. 56, 57]; ее одушевляли и обожествляли, а после возникновения христианства стали соотносить с образом Богородицы. О восприятии земли как некоего живого организма, близкого человеку, говорит народное представление о том, что землю нельзя до весны трогать, беспокоить, потому что весной она беременная и хранит до поры о времени в себе все, что потом прорастает [2, с. 112]. Н. И. Толстой пишет: «Восточные славяне, великороссы в первую очередь, сохранили культ матери-земли в его очень архаических проявлениях, к которым относятся запрещения бить землю палкой или чем-либо иным <...>, плевать на землю <...> Она наказывает за клятвопреступление, за ложь и обман» [16, с. 16]. Г. Федотов говорит о земле как о глубинном сосредоточии, с которым

связана самая сердцевина народной религиозности и нравственности [19, с. 71]. Отметим такой интересный факт: земле исповедовались в своих грехах, и такой обряд сохранялся до XX века в среде старообрядцев [17, с. 223]. Но не все грехи земля прощает [19, с. 75].

Сказка начинается с пейзажной зарисовки: «Клонит ветер шелковые зеленыя, солнце в жаворонковом свисте по небу летит, и от земли идет крепкий, ржаной дух» [15, с. 59]. Земля богата и щедра: «крепкий, ржаной дух» – весна, зреет рожь, радуя человека будущим урожаем. Только рядом спускается с бугра в лощину черной полосой пустая земля, лишенная всходов – десятина бобыля: «Эх, – говорит бобыль, – третий год меня мучаешь, проклятая! Плюнул на родную землю и пошел прочь» [15, с. 59–60].

Сложно сказать, в чем причина того, что на десятине бобыля ничего не растет. В. И. Даль называет бобылем человека, не владеющего землей по бедности, одиночеству и небрежению [7, с. 103]. В сказке Толстого бобыль упрекает землю в бесплодии в течение трех лет, значит, он владел землей все это время. В. И. Иванов, исследуя бобылей как социальный слой, отличный от крестьянства, отмечает, что бобыли отличались не отсутствием или наличием пашни, а меньшим по размеру хозяйством, или менее доходным [11, с. 35]. Бобыли не входили в крестьянскую общину, жили своим двором и вели самостоятельное хозяйство, они не пользовались основными, тягловыми земельными угодьями местной общины, поэтому среди них было больше развиты ремесла и торговля [11, с. 37]. В. Е. Борисов также пишет, что под бобылями подразумевались, в первую очередь, люди неземледельческих занятий [3, с. 16]. Добавим, что бобылем также называют одинокого человека, без семьи и близких. Бобыль в сказке Толстого живет один; можно предположить, что он не работал должным образом на земле. Его десятина неудобно расположена – она находится на склоне, спускается в лощину. Бобыль без прилежания трудился на земле: для него она в тягость – все это приводит землю к бесплодию.

После проклятия через неделю зазеленела десятина бобыля: «Выпустили зеленыя трубку, распахнули лист, и шумит усатый пшеничный колос». Но не радость, а удивление и сомнение испытывает герой, у него на сердце кошки скребут: «Зачем проклинал родную землю» [15, с. 60]. Бобыль собрал урожай, смолол муку, замесил тесто, а ночью из квашни дым повалил, «и поползло через края проклятое тесто, рассыпалось на полу земель...» [15, с. 60]. Продал он муку старому пекарю. Только с продажи муки бобыль так ничего и не выручил: деньги пропил, домой вернулся все потеряв, да еще то ли подрался, то ли так пбили, но нос у него оказался разбит.

Многие ученые отмечают, что плевать на землю считалось большим грехом [12, с. 254; 16, с. 16], а бранное слово имеет магическое значение: проклятие бобыля к нему же вернулось. Свою обиду и гнев земля выплеснула в проклятую пшеницу, из муки которой невозможно ничего испечь. У старого пекаря вместо румяных кренделей получились страшные завитушки и шевырюшки (комочки, катышки) [8, с. 615], когда пекарь дворянину муку продал, испеченные из проклятой муки у дворянских детей пирожки оказались с начинкой из старых лаптей, онучей, щепок и прочей дряни. Жалоба дошла до короля, на суд которого пригласили бобыля, пекаря и дворянина. Почтительное отношение к земле объединяет почти всех героев сказки, которым противопоставлен бобыль, в сердцах проклявший свою десятину. И людской суд, и суд матери-сырой земли совпал в осуждении героя сказки Толстого.

В основе сюжета кольцевая композиция, круг, из которого для главного героя нет выхода: с описания десятины и бобыля начинается сказка, этим же она заканчивается, а проданная мука к бобылю возвращается. Не просто к нему, а в него: король приказал «мужика отвести вместе с мукой на проклятую десятину, чтобы всю муку приел...» [15, с. 61]. Заканчивается сказка описанием процесса превращения человека во что-то или кого-то. Бобыль в землю прорастает: «Руки растопырились и одеревенели, через колени на землю поплыл живот, и полезли из бобыля шипы, а волосы стали дыбом, как репей» [15, с. 61]. Десятин заросла колючим непроходимым бурьяном, скрывшим от человеческих глаз проклятого бобыля, вернее, того, в кого он превратился. Показательно в этом плане последнее предложение сказки: «И долго спустя слышали в колючих порослях – жевало и ухало: то, сидя на земле, ел и проесть не мог проклятую муку проклятый бобыль» [15, с. 61]. Э. В. Померанцева, говоря о мифологических персонажах русского фольклора, замечает, что действия демонических существ в быличках просты: «...захохотало, защелкало, завело и т.д.» [13, с. 24], т.е. глаголы употребляются именно в среднем роде, потому что речь идет о некоем фантастическом существе. Так и в конце сказки Толстого это уже не человек, а нечто, что «жевало и ухало».

Таким образом, бобыль становится заложным покойником. Д. К. Зеленин о таких покойниках пишет: «Это покойники нечистые, недостойные уважения и обычного поминовения, а часто даже вредные и опасные» [9, с. 40], таких земля не принимает [9, с. 43; 17, с. 224]. Это значит, что тело выходит на поверхность земли или не подвергается тлению [9, с. 44–45]. Заложные покойники впоследствии могли стать каким-либо демоническим существом: лешим, кикиморой, водяным и т.д. [9, с. 58]. Например, народ считал, что лешие – это в прошлом проклятые люди [9, с. 59]. Повторим, что процесс демонологизации

остаётся за рамками текста, и кем станет проклятый бобыль в итоге, можно только предполагать.

Вернемся к жанровому своеобразию произведения А. Н. Толстого. Сказка изначально предполагает фантастику и вымысел, тогда как быличка и бывальщина относится к несказочной прозе и утверждает достоверность произошедшего, несмотря на необычность содержания или образов [10, с. 269; 13, с. 9, 11]. В. П. Зиновьев даёт такое определение: «Былички – устные народные рассказы о встречах человека с всевозможными сверхъестественными существами, главным образом из низшего пантеона славянской мифологии (домовой, банник, кикимора, леший, водяной, русалка и др.) или с людьми, обладающими сверхъестественной, чудесной силой (ведьма, колдун), о встающих из гроба мертвецах, о невероятных встречах с кладами, которые являются человеку в виде животных или предметов и т. п.» [10, с. 269]. Бывальщина отличается от былички нарратором: в быличке рассказ ведётся от первого лица, участника или свидетеля событий (меморат), бывальщина повествует от третьего лица (фабулат) [13, с. 14]. Близка эмоциональная атмосфера названных фольклорных жанров – мрачная, жуткая; общей является также жанровая установка – они помогают избежать опасности, призывают соблюдать сложившиеся веками правила существования и не нарушать нормы поведения, навлекая тем самым на себя беду, учат остерегаться встречи с нечистой силой, поэтому в них присутствует некий дидактический элемент. Не всегда такая встреча заканчивается победой человека, быличка и бывальщина разнятся как раз финалом истории. В бывальщинах показана гибель человека, отсюда трагический финал, тогда как в быличках человеку удаётся спастись и избавиться от нечистой силы.

Как уже отмечалось, в «Проклятой десятине» отсутствует нечистая сила, но гибель человека и его превращение в некое существо позволяет соотнести сказку с бывальщиной. А поучительный смысл рассказанной истории сближает произведение Толстого с притчей, для которой также характерны серьёзность и назидательность [14, с. 187], хотя оно лишено аллегоричности. В литературной энциклопедии терминов и понятий дается следующее определение притчи: «эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, иносказательной форме» [5, с. 808]. Исследователи выделяют такую ее особенность, как условность, отсюда – отсутствие подробностей в описании пространства и времени, портрета и характера героя, да и сами герои «предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как с у б ъ е к т ы э т и ч е с к о г о выбора» [1, с. 305. Разрядка автора цитируемой статьи. – М. Ж.]. Н. Д. Тamarченко называет семантическим ядром

жанра ситуацию выбора героем и оценку этого выбора в рамках этических норм и определяющего жизненный путь в целом [14, с. 187–188].

Поступок бобыля как раз оказался тем поворотным моментом, который определил его дальнейшую судьбу. Интересно, что в этимологическом словаре М. Фасмера значение слова «притча» раскрывается через «несчастный случай» (др.-русс.), «происшествие, особенный случай» (укр.), «неприятный случай; срам» (болг.) [18, с. 368]. В сказке Толстого бобыль сам виноват в случившемся с ним несчастье и своей гибели. Страшное наказание видится оправданным. Авторская оценка с обозначенной в тексте произведения совпадает, А. Н. Толстой здесь серьезен и не иронизирует, снимая напряжение, как он это делает в других сказках цикла (например, в «Русалке»).

В сказке «Проклятая десятина» отсутствует прямое назидание или толкование смысла, сам сюжет является поучительным примером и подчинен дидактической цели. Суровая оценка поступка героя сказки становится проповедью духовных, нравственных ценностей. Поучительный смысл сказки прозрачен и конкретен. С одной стороны, это призыв уважать, любить и ценить родную землю, с другой – выход на более широкие обобщения. Перед нами сказка-притча, итоговый смысл которой подталкивает читателя к размышлениям о собственной жизни, заставляет осознать свои жизненные ценности.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Притча // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. С. 305.
2. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
3. Борисов В. Е. Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Новый исторический вестник. 2013. № 37 (3). С. 6–23.
4. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков: Епархиальная тип., 1916. Т. 1. 376 с.
5. Гладкова О. В. Притча // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК Интервак, 2001. Стлб. 808–809.
6. Головкин В. А., Жиркова Е. А., Свитенко Н. В. Жанр былички в цикле «Русалочьи сказки» А. Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12–1 (90). 2018. С. 23–26.
7. Даль В. И. Словарь великорусского живого языка. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. 1.
8. Даль В. И. Словарь великорусского живого языка. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 4.
9. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки славянской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

10. Зиновьев В. П. Жанровые особенности быличек // Зиновьев В. П. Русский фольклор Восточной Сибири / отв. ред. Р. П. Матвеева: в 2 кн. Иркутск, 2019. Кн. 1. С. 268–336.
11. Иванов В. И. Бобыли русской северо-западной деревни конца XV–XVII века: происхождение и «тайны» трансформаций // Северо-Запад в аграрной истории России. 2016. № 22. С. 21–40.
12. Максимов С. Е. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. 530 с.
13. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.
14. Тамарченко Н. Д. Притча // Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 187–188.
15. Толстой А. Н. Полн. собр. соч. в 10 т. М.: Худож. литер., 1985. Т. 8. Произведения для детей. 568 с.
16. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 624 с.
17. Топорков А. Л. Материалы по славянскому язычеству (культ матери сырой земли в деревне Присно) // Древнерусская литература: Источниковедение / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1984. С. 222–233.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3 (Муза-Сят). 864 с.
19. Федотов Г. П. Мать-Земля // Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подготовка текста и коммент. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. С. 65–78.

References

1. Averincev S. S. *Pritcha* [Parable] *Literaturnyj enciklopedicheskiy slovar'* / pod red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva [Literary encyclopedic dictionary; ed. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva] Moscow, 1987. P. 305 (In Russian).
2. Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenneljetnij cikl* [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow: Indrik Publ., 2002. 816 p. (In Russian).
3. Borisov V. E. *Gulyashchie lyudi i drugie netyaglye kategorii naseleniya za Uralom v XVII v.* [Walking people and other non-taxable categories of the population beyond the Urals in the 17th century] *Novyj istoricheskij vestnik* [New historical bulletin New historical bulletin]. 2013. № 37 (3). Pp. 6–23 (In Russian).
4. Gal'kovskij N. M. *Bor'ba hristianstva s ostatkami yazychestva v Drevnej Rusi* [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia] Har'kov: Eparhial'naya tip., 1916. T. 1. 376 p. (In Russian).
5. Gladkova O. V. *Pritcha* [Parable] *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij / glav. red. i sostav. A.N. Nikol'yukin* [Literary encyclopedia of terms and concepts / chapters. ed. and composition. A. N. Nikol'yukin] Moscow: Intervak Publ., 2001. Stlb. 808–809 (In Russian).
6. Golovko V. A., ZHirkova E. A., Svitenko N. V. *ZHanr bylichki v cikle «Rusaloch'i skazki» A. N. Tolstogo* [Genre bylichki in the cycle "Mermaid Tales" by A. N. Tolstoy] *Filologicheskie nauki. voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice] № 12–1 (90). 2018. Pp. 23–26 (In Russian).

7. Dal' V. I. *Slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka* [Dictionary of the Great Russian Living Language] St. Petersburg, Moscow: Izdanie knigo-prodavca-tipografa M.O. Vol'fa, 1880. T. 1. (In Russian).

8. Dal' V. I. *Slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka* [Dictionary of the Great Russian Living Language] St. Petersburg, Moscow: Izdanie knigo-prodavca-tipografa M.O. Vol'fa, 1882. T. 4. (In Russian).

9. Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Ocherki slavyankoj mifologii: umershie neeste-stvennoj smert'yu i rusalki* [Selected Works. Essays on Slavic mythology: dead by unnatural death and mermaids] Moscow: Indrik Publ., 1995. 432 p. (In Russian).

10. Zinov'ev V. P. *ZHanrovye osobennosti bylichek* [Genre peculiarities of bulls] Zinov'ev V.P. *Russkij fol'klor Vostochnoj Sibiri / otv. red. R. P. Matveeva: v 2 kn.* [Zinoviev V.P. Russian folklore of Eastern Siberia / otv. ed. R. P. Matveeva] Irkutsk, 2019. Kn. 1. Pp. 268–336 (In Russian).

11. Ivanov V. I. *Bobyli russkoj severo-zapadnoj derevni konca XV–XVII veka: proiskhozhdenie i «tajny» transformacij* [Beans of the Russian north-western village of the late 15th–17th centuries: the origin and "secrets" of transformations] *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii* [North-West in the agrarian history of Russia]. 2016. № 22. Pp. 21–40.

12. Maksimov S. E. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Unclean, unknown and cross power] St. Petersburg, 1903. 530 p. (In Russian).

13. Pomeranceva E. V. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klоре* [Mythological characters in Russian folklore] Moscow: Nauka Publ., 1975 (In Russian).

14. Tamarchenko N. D. *Pritcha* [Parable] *Poetika: slov, aktual. terminov i ponyatij* [Poetics: words, actual. terms and concepts] gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginnoj; Intrada, 2008. Pp. 187–188 (In Russian).

15. Tolstoj A. N. *Poln. sobr. soch. v 10 t.* [Full collection op. in 10 t] Moscow: Hudozh. liter. Publ., 1985. T. 8. Proizvedeniya dlya detej. 568 p. (In Russian).

16. Tolstoj N. I. *Ocherki slavyanskogo yazychestva* [Essays on Slavic paganism] Moscow: Indrik Publ., 2003. 524 p. (In Russian).

17. Toporkov A.L. *Materialy po slavyanskomu yazychestvu (kul't materi syroj zemli v derevne Prisno)* [Materials on Slavic paganism (the cult of the mother of raw earth in the village of Pris-no)] *Drevnerusskaya literatura: Istochnikovedenie* [Old Russian literature: Source studies] otv. red. D. S. Lihachev. Leningrad: Nauka Publ., Lenin. otdelenie, 1984. Pp. 222–233 (In Russian).

18. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes] per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. Moscow: Progress, 1987. T. 3 (Muza-Syat). 864 p. (In Russian).

19. Fedotov G. P. *Mat'-Zemlya* [Mother Earth] Fedotov G. P. *Stihi duhovnye (Russkaya narodnaya vera po duhovnym stiham) / vstup. st. N. I. Tolstogo; poslesl. S. E. Nikitinoj; podgotovka teksta i komment. A. L. Toporkova* [Fedotov G.P. Spiritual poetry (Russian folk faith based on spiritual poetry) N. I. Tolstoy; S. E. Nikitina; A. L. Toporkova] Moscow: Progress, Gnozis Publ., 1991. Pp. 65–78 (In Russian).